

Вариативность
древнерусских
личных имен:
основные случаи
и возможные
трактовки*

**Евгения Владимировна
Буденная**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»;
Институт языкознания РАН,
Москва, Россия

**Каролина Игоревна Гуревич
Анатолий Андреевич
Калинин
Данила Викторович
Герасимов**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Name Variation
in Old Russian:
Main Cases
and Possible
Interpretations

Evgeniya V. Budennaya

HSE University;
Institute of Linguistics of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia

**Karolina I. Gurevich
Anatoly A. Kalinin
Danila V. Gerasimov**

HSE University,
Moscow, Russia

---

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 23-00-007 «Русские имена в исторической перспективе» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

Цитирование: Буденная Е. В., Гуревич К. И., Калинин А. А., Герасимов Д. В. Вариативность древнерусских личных имен: основные случаи и возможные трактовки // *Slověne*. 2023. Т. 12, № 2. С. 19–46.

Citation: Budennaya E. V., Gurevich K. I., Kalinin A. A., Gerasimov D. V. (2023) Name Variation in Old Russian: Main Cases and Possible Interpretations. *Slověne*, Vol. 12, № 2, p. 19–46.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.02

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International

2023 №2 *Slověne*

Резюме

В статье рассматриваются случаи вариативности форм христианских и исконно славянских имен древнерусских персонажей. На материале древнерусских летописей, берестяных грамот и деловых документов прослеживаются изменения формы одного и того же имени, отмечаются особенности контекста и предлагаются возможные объяснения каждой дистрибуции. Отдельно рассматриваются гипокористические формы христианских имен (*Михалко*, *Янка*), которые в исследуемый период чаще всего не несли уменьшительного или уничижительного значения, но могли выполнять нейтрализующую функцию во взаимодействии славянского и иноязычного именословов: в более раннем ростовском летописании Михаил Черниговский фигурирует под формой *Михалко*, тогда как в более поздних источниках он последовательно упоминается как *Михаил*. Кроме того, анализируются вариации грецизированной и народной древнерусской форм имени в контексте нарративных изменений (*Алексей/Олексей*, *Стефан/Степан*), обсуждается зависимость в смене данных форм от конкретных событий повествования (в контекстах, связанных со смертью и/или участием персонажа в строительстве церкви, некоторые новгородские посадники упоминаются под канонической формой имени, тогда как при описании остальных событий — последовательно под народной формой). Отдельное внимание в статье посвящено влиянию графических систем древнерусских источников на чередование форм христианских имен, а также границам вариативности исконно славянских имен (*Мирошка/Мирослав*, *Жироха/Жирослав*) в контексте личной переписки в берестяных грамотах в сопоставлении с летописными источниками.

Ключевые слова

древнерусский язык, антропонимика, вариативность имен, славянское имя, христианское имя, гипокористика

Abstract

The study considers several cases of the variation of Christian and original Slavic names of persons in Medieval Rus. Based on chronicles, birch bark letters, and business documents, the article traces the changes in the form of one and the same name, investigates the context, and offers possible explanations for each distribution of name forms. First, the article addresses hypocoristic forms of Christian names (*Mikhalko*, *Yanka*), which in the period under study most often did not carry a diminutive or pejorative meaning but could perform a neutralizing function in the interaction between original Slavic and foreign name systems: in an earlier Rostov chronicle Michael of Chernigov appears under the form *Mikhalko*, while in later sources he is consistently mentioned under the form *Mikhail*. Second, the variations between canonical and popular forms of the same Christian name (*Aleksey/Oleksey*, *Stefan/Stepan*) are analyzed in the context of narrative changes. We found that in contexts related to their death and/or participation in the construction of a church, many *posadniks* [city mayors] of Novgorod are mentioned by the canonical form of their name, while in the description of other events—consistently by the pop-

ular form). Finally, special attention in the article is devoted to the influence of the graphic systems of Old Russian sources on the alternation of the forms of Christian names, as well as to the limits of variation of native Slavic names in the context of personal correspondence in birch bark letters as compared with the chronicles.

Keywords

Old Russian language, anthroponymy, name variation, Slavic name, Christian name, hypocoristics

Введение

Персонажи древнерусской литературы представляют собой большое поле для исследования сложной системы имянаречения. В работах А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского [2006; 2015; 2020] широко обсуждается феномен древнерусской многоименности, при котором один и тот же человек (в раннедревнерусских памятниках — обычно князь; позднее также другие лица) мог иметь более одного имени. Так, до XIV в. многие князья-рюриковичи одновременно обладали и родовым¹, и крестильным христианским именами: например, Владимир Мономах имел в крещении имя *Василий*, а его сын Мстислав Великий получил при крещении имя *Федор*, известное, в частности, из Мстиславова Евангелия:

- (1) Ѓи Бе ѿць нашихъ, Авраамовъ, Исаковъ, Яковль, и сѣмене ихъ правдынааго, съподобивый мя грѣшнааго раба своего Алексу написати сіе Еуангеліе блгвѣрнууму и Хръстолюбивоому и Бгмъ чѣстимоому Князю **Ѳеодору**, а мирьскы **Мьстиславу**, вьнуку сущю Вьсеволожю, а сыну Володимирю, Князю Новьгородьскуому (*МЕ*, л. 212г–213а)

Впоследствии, с постепенным вытеснением исконно славянских имен из княжеского именовслова, в древнерусском княжеском обиходе распространилась так называемая христианская двуименность, при которой один и тот же князь имел более одного христианского имени — непубличное календарное, совпадающее с именем святого, память которого приходилась на день его рождения, и родовое публичное некалендарное. Так, Василий III имел календарное крестильное имя *Гавриил*:

- (2) Того ж(е) лѣта родися великому кн(я)зю с(ы)нѣ **Гаврило** м(е)с(я)ца марта 26², и нарекоша имя ему **Василеи** (*Соф. II*, с. 287).

¹ В редких случаях они могли иметь более одного родового имени — например, Мстислав Великий в скандинавских источниках фигурирует под именем Харальд.

² Древнерусские числа даются в современной арабской передаче.

Тем не менее контексты, при котором различные имена героя последовательно фигурируют в одной и той же предикации, крайне редки: как правило, персонаж упоминается только под каким-то одним из имеющихся имен — что, в свою очередь, нередко вызывает мисинтерпретации (примеры см.: [Литвина, Успенский 2020: 71]). Взаимосвязь различных имен одного и того же персонажа и классификация контекстов, в которых с большей или меньшей вероятностью фигурирует то или иное имя, представляет собой отдельную научную проблему, лишь недавно ставшую объектом широких научных исследований (см., в частности: [Литвина, Успенский 2006, 2020; Litvina, Uspenskij 2019; Авдеев et al. 2022]).

Однако еще меньше — по сравнению с распределением самих имен — изучена взаимосвязь различных форм одного и того же имени конкретного персонажа в различных древнерусских текстах. Так, известно, что функции древнерусских гипокористических имен (*Михалко, Мирошка, Петрило* и др.) значительно отличались от современных: за возможным исключением форм на *-ец*, которые в ряде случаев имели уменьшительно-уничижительное значение [Селищев 2003: 416], в древнерусских гипокористических именах не прослеживается никакой явной уменьшительной или пейоративной семантики [Селищев 2003: 408–409; Зализняк 1986: 147; Литвина, Успенский 2006: 131], а также однозначной связи с социальным статусом и языковым регистром — гипокористики свойственны как князьям, так и рядовым горожанам и фигурируют как в летописях, так и в берестяных грамотах:

- (3) В лѣт . 6685 Престависа блѣговѣрнѣи и хрѣтолюбивѣи князь Михалко сѣнь Гюргевь внукъ Мономаха Володимера (*Лавр., л. 128 за 1176 г.*);
- (4) и вѣнчанъ быѣ блѣгороднѣи князь Василко с своею княгынею в цркви сѣтя Бѣа Блѣговѣщенѣя (*Лавр., л. 154об. за 1227 г.*);
- (5) Томъ (ж) лѣ(т) прѣстави са мирошьска· посадникъ новѣгородскѣи постригъ са оу сто(т) георгиа· и по то(т)· даша посаднищство мѣхалкоу степаницу (*НПЛ, Синодальный список, л. 64 за 1205 г.*);
- (6) Ѡ радѣка къ отьцьви поклонание товариць есьмо посьлалъ смольньскоу а поутилоу ти оубили а хотать ны ати въ оомоу съ вацьшьскою (*952³, XII в.*);
- (7) оударивса розбоемъ на михаилицьнѣ дворѣ на сѣна ево на ива(н)[ка] д[во]рѣно^в а жигала с сыно^м с офоноско^м : игнаткѣ симуевѣ з братомъ с макхи[мк]о^м ва[си]лѣ вѣцѣркѣ грихнѣ ва^слко климѣнтѣикѣ стѣхнѣо^в мартынѣ [т]атаа храпѣ [с]ѣ[люе^в] крѣстни^к да дворѣ розграбили а животь въз^л (*496, XIV в.*)

³ Цифрами в источниках обозначены номера древнерусских берестяных грамот (ДБГ).

В работе [Литвина, Успенский 2006] высказывалось предположение о том, что в раннедревнерусский период гипокористические формы, образованные от христианских имен, могли выполнять своего рода нейтрализующую функцию, адаптируя для древнерусского уха иноязычный антропонимикон, используемый в отношении светских лиц [Ibid.: 131–137; см. также: Успенский 2005: 14]. Эта гипотеза была в дальнейшем проверена в работе [Буденная 2021] и подтвердилась для раннедревнерусских князей — в первую очередь носителей имен *Василий* и *Михаил*: по данным летописей князя, крещенные под этими именами, до середины XIII в. в нарративе упоминались преимущественно в гипокористическом варианте (*Василько Теребовльский*, *Василько Леонович*, *Михалко Вячеславич*, *Михалко Юрьевич* и др.), а полные формы применялись только в отношении святых и духовных лиц и в контексте крестильных формул. Дополнительным аргументом в пользу «промежуточного» характера гипокористических вариантов христианских имен в контексте общей эволюции древнерусского наречения стала замена этих форм полными вариантами имен в более поздних списках одного и того же текста (см. Раздел 1).

Однако для большинства других имен подобной четкой эволюции прослежено не было, и функции древнерусских гипокористических форм, образованных от них, по-прежнему остаются предметом исследований. Так, за кадром остаются многочисленные гипокористические формы, образованные от исконно славянских имен — *Мирошка*, *Жирохно*, *Милонезжо* и др., — которые ранее рассматривались в литературе лишь с точки зрения морфологических особенностей [Зализняк 1986; 2004], но не в контексте распределения с полными формами и/или другими гипокористическими. Дополнительную сложность в исследовании дистрибуции различных форм конкретного имени вызывает и то, что носители подавляющего большинства гипокористических имен, представленных в тех же берестяных грамотах, зачастую фигурируют только под какой-либо одной формой имени, не представлены в других памятниках и остаются неизвестными. Тем не менее в некоторых случаях проследить и полные, и гипокористические формы имени одного и того же персонажа по памятникам оказывается возможным.

В связи с этим настоящая статья ставит своей целью выделить основные случаи подобного рода и классифицировать найденные контексты. В фокусе внимания статьи будут как не рассмотренные ранее христианские, так и исконно славянские имена в полном и гипокористическом варианте. Материалом исследования являются древнерусские летописи — Лаврентьевская (*Лавр.*), Ипатьевская (*Ипат.*), Новгородская Первая (*НПЛ*), Московско-Академическая летопись (Академиче-

ский список Суздальской летописи, МАС), а также берестяные грамоты и деловые документы — в первую очередь грамоты Великого Новгорода и Пскова (ГВНП). Раздел 1 будет посвящен не рассмотренным ранее христианским именам. В разделе 2 будут рассмотрены некоторые двухосновные исконно славянские имена, употребляющийся как в полном, так и в гипокористическом варианте. В Заключении будут представлены основные выводы по проанализированному материалу.

1. Христианские имена

1.1. Вариативные гипокористические формы как способ нейтрализации иноязычного именованного слова

В работе [Буденная 2021] было обнаружено, что князя *Василько Теробовльский*, *Михалко Вячеславич* и *Михалко Юрьевич* в *Лавр.* представлены исключительно под гипокористическими формами, однако в более позднем Ипатьевском списке по крайней мере по одному разу названы полными именами; аналогичная эволюция была также выявлена для четырех других персонажей — двух посадников (Василий, посадник князя Святополка Изяславича представлен как *Василь* в *Лавр.* и как *Василий* в одном из аналогичных контекстов *Ипат.*; новгородский посадник Дмитрий Завидич представлен как *Дмитр* в контексте патронима в *НПЛ* старшего извода и как *Дмитрий* в аналогичном контексте *НПЛ* младшего извода) и двух рядовых горожан (владимирец Василий, участвовавший в ослеплении Василька Теробовльского, в одном из контекстов *Ипат.* назван *Васильем*, тогда как в *Лавр.* — последовательно *Василь*; киевлянин Михаль, свидетель убийства князя Игоря Ольговича, в *Ипат.* назван *Михаилом*⁴, тогда как в *Лавр.* последовательно *Михаль* [Ibid.: 36–37]). К XIV в. эти имена начинают последовательно употребляться в полной форме в отношении различных светских лиц, тогда как представленные выше гипокористические формы выходят из употребления. За этим явлением можно видеть подтверждение тезиса о нейтрализующей функции гипокористических форм (в первую очередь с формантом *-ко* и с усечением основы) для данных имен на раннедревнерусском этапе; впоследствии, укоренившись в языке и утратив изначальную чужеродность своего фонетического облика, эти имена продолжают употребляться только в полном варианте⁵.

⁴ В данном разделе мы не разграничиваем летописные формы *Михаиль* и *Михаило* и причисляем обе к полным — в противоположность гипокористическим типа *Михалко*; о некоторых особенностях распределения этих форм *Михаиль* и *Михаило* применительно к конкретным персонажам см. Раздел 1.2.

⁵ Следует отметить, что в XVI–XVII вв. гипокористические формы (однако образованные несколько иначе, преимущественно с помощью форманта *-ка* с

Схожее явление также было обнаружено в формах имени князя Михаила Всеволодовича Черниговского (1179/1195–1246) при сопоставлении различных летописных списков. В *Лавр.*, а также в *Ипат.* и *НПЛ* он является первым носителем имени *Михаил*, который ни разу не фигурирует под гипокористической формой *Михалко*, в отличие от более ранних князей-носителей этого имени — Михалко Вячеславича (?–1129) и Михалко Юрьевича (1145/1153–1176). Последовательное упоминание Михаила Черниговского с помощью полной формы имени можно видеть в (8):

- (8) В лѣтѣ 6754 Стославъ Иванъ князъ с сѣвци своими приѣхаша ис Татаръ в свою вѣчину Тогожъ лѣтѣ **Михаило** | князъ Черниговьскыи со внукомъ своимъ Борисомъ поѣхаша в Татары и бывшій имъ в станѣхъ посла Батыи к **Михаилу** князю вела кму поклонитиса угневи и болваномъ ихъ **Михаило** же князъ не повинуса велѣнью ихъ но укори и и глухыя кго кумиры и тако безъ млѣсти ѿ нечѣстыхъ заколенъ быѣ и конецъ житыю приять (*Лавр.*, л. 165 за 1246 г.).

Однако в *МАС* в сообщении о гибели он представлен под именем *Михалко*:⁶

- (9) В лѣтѣ . 6754 поиде Стославъ [в Урду] В про свою вѣчину . и пожалованъ быѣ . того же лѣта оубьенъ быѣ **Михалко** Черниговьскыи сеи к (*МАС*, л. 246об. за 1246 г.).

Данный фрагмент является единственным, где князь Михаил Черниговский представлен под гипокористической формой имени. Примечательно, что в сообщениях *МАС* за более ранние годы он последовательно упоминается под полной формой:

- (10) В лѣтѣ. 1229 прїиде кнзъ **Михаило** ич Чернѣгова в Новѣгород и радѣ быша Новгородци [...]. рече кнзъ **Михаиль** не лѣпо естъ сему граду быти безо влдкы и избраша черныца дьякона стго Ёгорыиа именемъ Спиридона а инѣи Иѡсифа Володимерьскаго и Вельньскаго а инѣи Гречина [...] и рече кнзъ **Михаиль** . положимъ трѣ жребїи на прѣтлѣ во имена ихъ кого намъ Бѣ дастъ стѣла (*МАС*, л. 235об. за 1229 г.).

На первый взгляд, эти факты противоречат идее о том, что полные имена характерны для более поздних упоминаний и/или более поздних

дополнительным усечением основы — *Васька*, *Тимошка*, *Гришка* и др.) начинают последовательно ассоциироваться с более низким социальным статусом носителя и последовательно употребляются в челобитных, получая таким образом новый виток развития. Однако данный период является значительно более поздним по сравнению с исследуемым и выходит за рамки нашей работы.

⁶ На этот факт впервые обратила внимание К. Г. Щипакова.

списков того же текста. Однако это противоречие мнимое, поскольку фрагмент (9) относится к событиям с конца 6746 (1238) по 6927 (1419) г., представляющим совершенно отдельную самостоятельную часть МАС, основанную на ростовском своде, тогда как фрагмент (10), относящийся к более ранним годам, представляет собой второй список Радзивилловской летописи XV в. [Лурье 1989], где Михаил Черниговский последовательно фигурирует под полной формой имени, аналогично *Лавр.*, *Ипат.* и *НПЛ*. Фрагмент (9) в данной части МАС представляет собой единственное вхождение о Михаиле Черниговском в этом тексте. Учитывая текстологию МАС, можно утверждать, что фрагмент (9) имеет иное происхождение по сравнению с более ранними сообщениями МАС, а сама форма *Михалко* в (9) не является списком с более ранних полных форм, представленных в *Лавр.* в (8). В этой связи примечательно, что более поздняя Устюжская летопись XVI в., восходящая к общему протографу с ростовским сводом, представленным в третьей части МАС, а также Сокращенный летописный свод конца XV в. в аналогичном контексте о смерти Михаила Черниговского уже содержат полную, а не гипокористическую форму имени князя:

- (11) В лето 6755. Убиен бысть в Орде князь **Михаило** Чернеговской и боярин его Феодор за веру христианскую от безъбожнаго Батыя царя (*Устюжская летопись*, список Мацевича, л. 50об. за 1247 г.).
- (12) В лето 6755. Убиенъ бысть в Ордѣ князь великии **Михаило** Черниговскии и воевода его Феодор за вероу христовоу от безбожнаго поганого царя Батыя (*Сокращенный летописный свод*, Погодинский список, л. 72об. за 1247 г.).

Таким образом, в списках, восходящих к единому ростовскому протографу — третьей части МАС, Сокращенном летописном своде и Устюжской летописи представлена та же эволюция формы имени, что и ранее была обнаружена для других древнерусских персонажей: в самом раннем списке — третьей части МАС — князь Михаил Черниговский еще упоминается в гипокористической форме (9), как и более ранние древнерусские князья, носящие данное имя, однако в более поздних списках — Сокращенном летописном своде и Устюжской летописи — Михаил Черниговский уже фигурирует под полной формой имени. При этом в суздальском (*Лавр.*) и галицко-волынском (*Ипат.*), а также новгородском летописании он уже последовательно именуется полной формой имени. Можно полагать, что к XIV в. нейтрализующая функция гипокористических форм в процессе адаптации иноязычных имен уже была практически утрачена, однако некоторые ее реликты — в частности, в ростовском летописании — еще можно проследить на примере Михаила Черниговского.

Аналогичный процесс можно также предположить и для имени княжны Янки Всеволодовны (ум. в 1110-х гг.), сестры Владимира Мономаха. В летописях она фигурирует исключительно под гипокористической формой *Янка* (см., в частности, 13), в связи с чем восстановление ее полного имени — *Иоанна* vs. *Анна* — представляет определенные трудности (подробнее см.: [Успенский, Успенский 2017: 153–154; Щипакова, Можаровская 2024]):

(13) В се лѣто иде **Янька** [в Грекъы дщи] Всеволожа . наречная преж [и] приведе **Янка** митрополита Івана скопъчину (*Лавр.*, л. 69об. за 1090 г.).

В указателях к *Лавр.* и *Ипат.* ее имя возводят к Анне, тогда как в примечании к указателю *НПЛ* А. А. Гиппиус акцентирует внимание на более вероятной трактовке имени как Иоанна. Более поздние памятники — в частности, Степенная книга XVI в. — напрямую связывают имя Янки Всеволодовны с Анной [Щипакова, Можаровская 2024]. Учитывая крайнюю редкость имени Иоанна на Руси (по данным К. Г. Щипаковой и Е. С. Можаровской, это имя, за исключением одной из жен-мироносиц в Евангелии от Луки, в древнерусских памятниках в данном виде не встречается [Ibid.]), можно предположить, что в раннедревнерусский период до XII в. имя Иоанна изначально фигурировало в гипокористической форме *Янка* (со стяжением первых двух гласных), а впоследствии — уже в полной литературной форме *Яна*. В корпусе берестяных грамот XII в. представлено 5 вхождений этого имени, из которых 2 — в форме *Янка* (731, 1091) и 3 — в форме *Яна* (506, 553, 595). Можно предположить, что первые гипокористические вхождения типа *Янка* достаточно быстро сменились полной формой типа *Яна*, однако данное имя не получило большого распространения на Руси применительно к знатным светским женщинам. В связи с этим в более поздних памятниках полное имя княжны Янки Всеволодовны стало связываться уже не с Иоанной, а с Анной, поскольку последнее имя, в отличие от Иоанны, никогда не выходило из употребления.

1.2. Непроизводные вариативные формы в составе единого нарратива

Помимо производных гипокористических форм, в древнерусских текстах встречаются и другие формы вариативности христианских имен — в частности, колебания между церковнославянской/грецизированной и народной древнерусской формой (*Алексей/Олексей*, *Стефанъ/Степанъ* и др.). Примером подобного текста может служить Комиссионный список *НПЛ*, в котором варьирование формы имени представлено у многих персонажей. В попытках ответить на вопрос о том, что может стоять за такой дифференциацией, была выдвинута гипотеза о возможном влия-

нии летописного нарратива на употребление конкретной формы имени. Идеальной реализацией этой гипотезы представляется следующая ситуация: до события X какой-либо персонаж именуется только формой имени А, а после события X — только формой имени В.

Такая картина действительно прослеживается на формах имени новгородского архиепископа Алексея (ум. 1389):⁷ сразу после поставления в архиепископы (1360 г.) в его имени взамен начальному *о* стало употребляться начальное *а*, и такое употребление продолжалось вплоть до статьи с известием о его смерти. Подобное изменение не выглядит случайным: на пять форм с начальным *о* приходится около тридцати форм с начальным *а*, все из которых употреблены начиная со статьи 1362 г. — после нее форма с начальным *о* не употребляется по отношению к Алексею ни разу:

- (14) И избраша три мужи: **Олексеѣя** чернца, ключника дому святыя Софѣя, и Саву, игумена Онтонова монастыря, и Ивана, попа святыя Варвары (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 217об. за 1359 г.).
- (15) И избра богъ, святая Софѣя святителя имѣти мужа добра, разумна и о всемь рассмотрелива **Олексиа** чернца (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 218 за 1359 г.).
- (16) И съиха владыка Моисѣи из монастыря и **Олексеѣи**, пойма съ собою анхимандрита и игумены (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 218об. за 1359 г.).
- (17) В лѣто 6868 [1360]. Поиха **Олексеѣи** на поставление владычества в Володимирь (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 218об. за 1360 г.).
- (18) И поставленъ бысть **Олексеѣи** архиепископом Новуграду, въ преименитѣи церкви въ святѣи Богородици володимерьской пресвященнымъ митрополитомъ Олексиемъ всея Руси (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 219 за 1360 г.).
- (19) Того же лѣта постави архиепископъ новгородчкыи **Алексеѣи** церковь каменную святое Рождество на сѣнех (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 219об. за 1362 г.).
- (20) Повелѣниемъ боголюбиваго архиепископа новгородчкого **Алексеѣя** (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 220 за 1363 г.).
- (21) В лѣто 6873 [1364]. Постави владыка **Алексеѣи** церковь камену святого Устрѣтениа на воротехъ въ Онтовѣ монастырѣ (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 220об. за 1364 г.).
- (22) Тои же зимѣ преставися архиепископъ новгородчкыи владыка **Алексеѣи**, мѣсяца февраля въ 3, на память святого Симеона Богоприимца (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 230об.–231 за 1389 г.)

⁷ См. *Алексей (Олексий)* в указателе личных имен [*НПЛ*: 597].

В этих примерах видно, как происходит «откат» от уже русифицированного варианта записи имени с начальным *о* (14–18) к варианту с более возвышенной церковнославянской графикой (19–22), что по датам совпадает с поставлением Алексея в архиепископский сан. Данная закономерность, однако, не является абсолютной, поскольку следующий новгородский архиепископ Иоанн III (см. в указателе [НПЛ: 618]) поначалу упоминается именно как *Иоаннъ*, после чего по отношению к нему чередуются и, по-видимому, используются в качестве взаимозаменяемых формы *Иоаннъ*, *Иоанъ* и *Иванъ*, и в отношении форм его имени такого же четкого распределения, как с Алексеем, отметить нельзя: Можно полагать, что упоминание персонажа под церковнославянской формой имени могло быть дополнительным средством, подчеркивающим изменившийся социальный статус героя, однако данный прием не использовался последовательно в отношении всех имен и сам по себе был факультативен⁸.

Вопрос о зависимости используемой в тексте формы имени от конкретной нарративной ситуации подробно исследователями не освещался, однако отдельные наблюдения высказывались в работах А. Бэклунд. Так, в [Bæcklund 1959] было выдвинуто предположение о том, что для именованного одного и того же персонажа в более возвышенном («solemn») контексте имя могло употребляться в иной форме, нежели чем в остальных (более обыденных) контекстах. Такое замечание исследовательница сделала относительно употреблений форм имени новгородского посадника Степана Твердиславича (ум. 1243), при описании жизни которого и в Синодальном, и в Комиссионном списках НПЛ используется форма имени *Степанъ*, но в известии о смерти оказывается употреблена иная форма — *Стефанъ*. Бэклунд предполагает, что последняя более грецизированная форма употребляется не только из-за факта смерти, но и из-за самой формулировки — «преставился» (т. е. «перед Богом»). Преимущественно же форма имени *Стефанъ* использовалась, по данным Бэклунд, при упоминаниях церковных деятелей [Bæcklund 1959: 139].

Нами были отобраны еще несколько примеров изменения имени в ситуации смерти лица или в ином «возвышенном» контексте (к такому мы отнесли также участие в строительстве храма). При отборе учиты-

⁸ Парадоксальным образом в имени другого летописного персонажа — архиепископа Феоктиста (см. *Феоктист* в указателе личных имен [НПЛ: 642]) — в Синодальном списке НПЛ выстраивается обратная система употребления двух конкурирующих форм имени: до поставления в архиепископы (НПЛ, Синодальный список, л. 151 об.–152 за 1300 г.) его имя записывается исключительно в церковнославянской передаче (*Феоктист*), тогда как в дальнейшем он фигурирует исключительно под народной формой *Фектист*.

валось многократное (2 и больше) употребление имени лица внутри нарратива и изменение формы имени внутри этого нарратива. При таких условиях было найдено десять примеров вариативности в именах посадников, схожей с той, что была описана в работе [Væcklund 1959]. Так, помимо Степана (Стефана), распределение было обнаружено для следующих персонажей:⁹ Андрей Климович (Ондрѣй), Смен Михайлович (Семеонъ), Смен Климович (Семеонъ), Смен Борисович (Семеонъ), Остафий Дворянинец (Еустафий), Онанья Фефилатович (Ананья), Александр Фоминич (Олександр), Кюрила Дмитриевич (Кирила), Федор Данилович (Феодор); всего в указанный список примеров вошли все изменяющиеся по ходу текста имена посадников, упомянутые в *НПЛ*:

- (23) Убиша **Ондрѣя** Климовича (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 196 за 1315 г.).
- (24) Бысть мятеж великъ в Новѣгородѣ на **Смена Михайловича**: въста на него весь Новѣгород безъ исправы [...] Семеонъ прибѣжа къ владыцѣ, и владыка провади въ святую Софѣю; и тако ублюде богъ, и заутра снидошася в любовь. **Семеонъ** же по малѣ дни разболѣся болѣзною; лежавъ нѣколикo днии, преставися (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 188–188об. за 1287 г.).
- (25) Постави **Семеонъ Климович** церковь камену на градныхъ воротехъ от Пруской улицы (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 193 за 1305 г.).
- (26) Въ то же лѣто создаста **Семеонъ Борисовицъ** церковь камену святого Павла, и святого Семеона Богоприимыца... (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 146 за 1225 г.).
- (27) Индикта лѣто 3-е, поновлена бысть церкви си святыи Георгии покровомъ, при великомъ князѣ Семенѣ Ивановичѣ, при архиепископѣ новѣгородскомъ Василии, при посадницѣ **Еустафьи**, при тысяцьскомъ Аврамѣ (*НПЛ*, Синодальный список, л. 168 за 1345 г.).
- (28) И къ госпожину дни умре **Ананья** посадникъ, а на зиму убиша Михалка посадника новгородци. (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 176 за 1257 г.).
- (29) Того же лѣта преставистася в мнишьскомъ чину два посадника: Федор Тимофѣевич, **Олександр Фоминич** (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 252об. за 1421 г.).
- (30) Тои осени свершиша церковь камену святую Еуфимию въ Плотничкомъ концѣ. Пострижеся владыка Иоанн въ скиму; а посадникъ **Кирила Дмитриевич** преставися (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 246об. за 1414 г.).
- (31) Того же лѣта заложи владыка Василии со своими дѣтми с посадником **Феодором** [по Толст. списку Феодором. — *Е. Б., К. Г., А. К., Д. Г.*] **Даниловицемъ** (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 203об. за 1335 г.).

⁹ Каждый из них преимущественно называется тем именем, которое стоит вне скобок, но в какой-то одной ситуации форма имени изменяется на поставленную в скобки.

Все контексты обнаруженной вариативности условно можно поделить на две группы: смерть (23–24, 28–30) и участие в строительстве церкви (25–27); при этом к первой группе относятся как простые констатации смерти («умре», «убиша»), см. (23, 28), так и более стандартизированные обозначения (что отмечала по отношению к имени *Стефан* А. Бэклунд) — «преставися» (24, 29, 30). Парадоксальным образом посадники Андрей Климович (23) и Александр Фоминич (29) в известиях о смерти упоминаются не под канонической, а под народной формой имени; данная особенность заслуживает отдельного исследования. Можно предположить, что для некоторых имен с канонической формой с начальным *а* (*Андрей*, *Александр*) народные альтернативные формы на *о*, наоборот, могли свидетельствовать об особом отношении летописца.

Любопытное наложение мотивов можно увидеть в описании жизни посадника Смена Михайловича (24): его имя меняется на *Семеон* с того момента, как, спасаясь от разъяренных новгородцев, он забегает в храм. Смена формы имени, с учетом скоростижной кончины после этого, на ту, которая в случае других посадников с именем Семен/Смен маркирует ситуацию смерти, может позволить иначе прочитывать приведенный выше абзац: летописец будто бы подсказывает, что ждет Семеона дальше в тексте. Пример другого посадника — Семеона Борисовича (26) интересен тем, что полная форма имени явственнее помогает подчеркнуть связь между «создающим» церковь Симеоном Борисовичем и тем святым, в честь которого эта церковь освящается, — Симеоном Богоприимцем.

Таким образом, в контексте вариативности имен посадников можно говорить о сознательном приеме — в более торжественный момент выбиралась более полная и грецизированная форма имени (Стефан, Феодор, Семеон, Еустафий, Ананья). Однако для некоторых имен (Андрей, Александр) наблюдается обратная картина. Данный факт может быть как случайностью, так и сознательным выбором летописца, однако он заслуживает отдельного исследования. И неизбежно возникает вопрос, почему не у всех посадников в сходных контекстах изменяется форма имени. Как и в случае с формами имен архиепископов, данный прием можно оценивать как факультативный, зависящий от конкретного имени и/или отношения к персонажу.

1.3. Непроизводные вариативные формы, относящиеся к разным почеркам

Выбирая *НПЛ* — или любую другую летопись — в качестве материала для изучения древнерусского имяназвания, необходимо помнить, что памятники письменности этого вида являются до известной степени лингвистически неоднородными [Гиппиус 2006]: языковые явления могут отражать устройство не столько древнерусского языка вообще,

сколько диалекта отдельно взятого писца, и какое-либо языковое явление, которое мы можем наблюдать у одного из писцов, может не обнаружиться у других. В данном разделе мы продемонстрируем, что именная вариативность также может быть следствием того, что в переписывании летописного текста участвуют несколько авторов и каждый способствует лингвистической гетерогенности списка. В этом отношении Синодальный список весьма удобен: он очень близок во времени к своему протографу (см.: [Гиппиус 2006: 121]), что отличает его от Комиссионного списка и других древнейших летописей: они являют собой продукт многократной переработки и редактуры, каждая следующая ступень которых размывает границы зон лингвистической гетерогенности предыдущего списка.

Обратим внимание на пятерых князей, по отношению к которым в Синодальном списке употребляется только полная форма имени Михаил: Михаил (Кюр) Всеволодович (32, 33), Михаил Всеволодович Черниговский (34–37), Михаил Ярославич (Старший) (38), Михаил Ярославич Тверской (39, 40) и Изяслав (Михаил) Ярославич (см. указатель [НПЛ: 624–625]). По отношению к ним в тексте Синодального списка употребляется две формы имени, *Михаилъ* и *Михаило*, об их связи известно достаточно много: *Михаилъ* является церковнославянской формой, тогда как *Михаило* с высокой долей вероятности является результатом адаптации на уже древнерусской почве¹⁰.

- (32) Кюръ **Михаилъ** побеже переди ис Проньска [НПЛ, Синодальный список, л. 74 за 1209 г.]
- (33) Сънъмъшемъся всѣмъ на исадѣхъ на порядѣ: Изяслав, кюръ **Михаилъ**, Ростислав, Святослав, Глѣбъ, Романъ (НПЛ, Синодальный список, л. 88об. за 1218 г.).
- (34) Въ то же лѣто поиде князь Всеволодъ... и приеха къ нему отецъ Гюрги съ пълкы и брат его Ярославъ и Василко Костянтиновицъ съ ростовци, **Михаилъ** съ черниговьци (НПЛ, Синодальный список, л. 100 за 1224 г.).
- (35) Приде князь **Михаилъ** ис Чѣрнигова въ Новъгородъ (НПЛ, Синодальный список, л. 108 за 1229 г.).
- (36) **Михаило** выступи ис Чернигова (НПЛ, Синодальный список, л. 119об. за 1235 г.).
- (37) **Михаило** сѣде в Галичи (НПЛ, Синодальный список, л. 119об. за 1235 г.).
- (38) И совкупившеса вси князи в Новъгородъ: Дмитрии, Святъславъ, брат его **Михаило**, Костянтинъ, Юрьи, Ярополкъ, Довмонтъ (НПЛ, Синодальный список, л. 143об. за 1268 г.).

¹⁰ О происхождении формы *Михаило* см. [Unbegaun 1935: 59].

- (39) Сопростася два князя о великое княжение: **Михаило** Ярославич Тѣмьрьскыи и Юрьи Данилович Московскыи (*НПЛ*, Синодальный список, л. 154об. за 1304 г.).
- (40) И по миру князь **Михаило** призва к собѣ князя Афанасья (*НПЛ*, Синодальный список, л. 159об. за 1315 г.).

Написание *Михаило* начинает встречаться в летописи только с л. 119об., описывающего события 1235 г., и продолжает использоваться по отношению к Михаилу Черниговскому и Михаилу Тверскому вплоть до л. 159об. До этого в качестве княжеского имени используется только форма *Михаилъ* (см. примеры 32–40). Такое распределение очень точно совпадает с границей почерков в Синодальном списке *НПЛ*, проходящей между л. 118об. и л. 119 (см.: [Гиппиус 2006: 119]). Примечательно, что другие христианские имена на -ил (*Гавриил*, *Даниил*) второй писец употребляет аналогично форме *Михаило* — только в формах *Данило*, *Гаврило*; ср. употребление этих двух имен в следующих примерах:

- (41) Въниде ис Кыева **Даниль** посадницитъ Новугороду (*НПЛ*, Синодальный список, л. 12об. за 1129 г.).
- (42) И прибегоша оканьнии Половчи, избьеныхъ избытъкъ, Котьянь с ынѣми князи, а **Даниль** Кобяковиць и Гюрги убьена быста (*НПЛ*, Синодальный список, л. 96об. за 1224 г.).
- (43) Поиде князь Володимиръ Рюриковичъ съ кыяны и **Данило** Романовичъ с галичаны на Михаила Всеволодича Чермного (*НПЛ*, Синодальный список, л. 119–119об. за 1235 г.).
- (44) А заутра побѣгоша къ князю на Городище тысячскыи Ратиборъ, **Гаврило** Кыяниновъ и инии приятели его (*НПЛ*, Синодальный список, л. 148 за 1270 г.).

Обоснованность проведения такой корреляции между писцом и употребляемыми им формами имени можно подтвердить и рядом других явлений, отмеченных в работе [Гиппиус 2006]. Так, Синодальный список четким образом распадается на две части, границы которых совпадают с границами почерков, — до л. 118об. и начиная с л. 119 соответственно. Каждая из частей Синодального списка обладает характерными языковыми особенностями. Это, например, смешанное употребление *ѣ* и *ѿ* в первой его части (в том числе в личных именах), противопоставленное употреблению только *ѣ* для передачи фонемы /f/ во второй его части (см.: [Гиппиус 2006: 138]):

- (45) Том же лѣтъъ заложи Воигость церковь святого **Федора** Тирона, априля въ 28 (*НПЛ*, Синодальный список, л. 8об. за 1115 г.).

- (46) И начаша дѣлати [ц. Спаса на Нередице. — Е. Б., К. Г., А. К., Д. Г.] мѣсяця юня въ 8, на святого **Федора**, а кондяша мѣсяця сентября (НПЛ, Синодальный список, л. 66об. за 1198 г.).
- (47) Того же лѣта постави церковь святого Савы **Федоръ** Хотовичъ (НПЛ, Синодальный список, л. 150об. за 1271 г.).
- (48) Того же лѣта безъ князя и без новгородцевъ загорѣся Ондрѣшковъ дворъ въ Плотникѣхъ, и погорѣ и до **Федора** святого (НПЛ, Синодальный список, л. 166 за 1329 г.).

Таким образом, на примере Синодального списка *НПЛ* можно видеть, что употребление разных форм имени по отношению к одному и тому же персонажу может рассматриваться как часть лингвистической гетерогенности памятника.

2. Исконно славянские имена

Христианские имена с их сложной системой варьирования в древнерусских текстах, очевидно, не являются исключительно результатом заимствования византийской культуры. Можно говорить скорее о наложении и взаимодействии двух антропонимических систем, где славянский субстрат в начальный период оказывает значительное влияние на усвоение греческого именованного, входящего в обиход после крещения Руси. Вместе с тем исконно славянские имена обладают рядом специфических особенностей, не сводимых к варьированию, свойственному христианским именам. Если обратиться непосредственно к исконно славянским именам и попытаться проследить их варьирование в различных контекстах, можно обнаружить, что ситуация в этом поле гораздо более сложная и значительно менее изученная.

Основной источник исконно славянских имен — это деловые документы и берестяные грамоты, в меньшей степени — летописи. В берестяных грамотах славянские имена встречаются в списках должников и кредиторов, в многочисленных обращениях и ссылках на третьих лиц, а также в особой категории географических названий, произведенных от имен собственных. По существующему корпусу грамот и документов составлен пространственный список дохристианских имен [Зализняк 2004: 204; 834–839].

Сложность в построении выводов о распределении форм одного имени в славянской антропонимике заключается главным образом в невозможности определить, от какой полной основы была образована та или иная гипокористическая форма славянского двусосновного имени. Так, имя *Домка* могло восходить к именам *Домагость*, *Домажиръ*, *Доманъгъ* или *Домаславъ*. *Милята* могло быть производным от *Мило-*

гость, Милонѣгъ или Милославъ. Нежка можно считать формой *Нѣговитъ*, *Нѣгорадъ*, *Нѣгосѣмъ*, *Нѣжебудъ*. Объяснение подобной множественности интерпретаций стоит искать, по-видимому в относительной самостоятельности первой части двуосновного имени [Зализняк 2004: 71]. Но в ряде случаев вариативность исконно славянских имен удается зафиксировать. Так, в летописях, в берестяных и договорных грамотах люди, действующие в одних и тех же условиях и временных диапазонах, могут именоваться разными формами. Ниже будут рассмотрены самые показательные примеры: новгородский посадник Мирослав (Мирошка) Несдинич и новгородские тысяцкие Жирослав (Жироха, Жирохно) и Милонег (Милонежо).

2.1. Мирослав vs. Мирошка

Новгородский посадник Мирослав Несдинич, находившийся в должности с 1189 по 1204 г., в большинстве случаев упоминается как Мирошка. Так, в Договорной грамоте Новгорода с Готским берегом и немецкими городами, составленной в самом конце XII в., присутствует именно эта гипокористическая форма (49):

(49) Се язъ князь Ярославъ Володимѣричъ, сгадавъ с посадникомъ с **Мирошкою**, и с тысяцкымъ Яковомъ, и съ всѣми новгородъци (*ГВНП*, №28, с. 55).

Она же употребляется и в НПЛ, фиксирующей начало посаднической деятельности Мирослава под 1189 г. (с графическими различиями между Синодальным и Комиссионным списками):

(50a) Томъ же лѣтѣ отяша посадничество у Михаля и вдаша **Мирошки Несдиницю** (*НПЛ*, Синодальный список, л. 49об. за 1189 г.)

(50б) Того же лѣта отяша посадничество у Михалка и даша **Мирожкѣ Несзаницю** (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 119об. за 1189 г.).

Все остальные именованья посадника в *НПЛ* также встречаются в гипокористической форме, включая описание его двухлетнего удержания великим князем Всеволодом Большое Гнездо и последующего возвращения (с графическими различиями между Синодальным и Комиссионным списками):

(51a) И послаша новгородъци къ нему **Мирошку** посадника [...] И прия Всеволодъ **Мирошку** и Бориса и Иванка и Фому, и не пусти ихъ въ Новъгородъ (*НПЛ*, Синодальный список, л. 56–56об. за 1195 г.).

(51б) И послаша новгородци к нему **Мирошьку** [Мирожку в Акад. и Толст. списках] посадника [...] И прия Всеволод посадника **Мирожку** [Мирошку

в Акад. и Толст. списках] и Бориса и Иванка и Фому, и не пусти их в Новъгород (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 122 за 1195 г.).

В Синодальном списке *НПЛ* также встречается форма с подчеркнуто гипокористической формой (что может быть опиской писца или стремлением добавить «обязательный» суффикс в имени посадника):

(52) Томъ же лѣтъ прѣставися **Мирошьшка**, посадникъ новъгородскыи (*НПЛ*, Синодальный список, л. 64об. за 1203 г.).

В Лаврентьевской летописи, описывающей поход новгородской делегации к великому князю, также встречается притяжательное образование от диминутива *Мирошка*:

(53) Тою же весени придоша Новгородци лѣпшиѣ мужи **Мирошьчина** чадь к великому князю Всеволоду с поклономъ и с молбою (*Лавр.*, л. 141об. за 1200 г.).

Таким образом, можно видеть, что летопись сохраняет постоянство при именовании посадника гипокористической формой: с одной стороны, это позволяет всегда однозначно определить персоналию, с другой — гипокористическая форма контрастирует с появляющимися в контексте полными славянскими формами имен князей (Ярослав, Всеволод, Изяслав — в *НПЛ*, Ярослав, Всеволод, Святослав — в *Лавр.*), позволяя разграничить статусы действующих лиц.

В то же время летописные примеры (49–53) наводят на мысль, что гипокористическая форма имени по каким-то причинам может всегда ассоциироваться с новгородским посадником. Однако данные берестяных грамот это не подтверждают: в них данный посадник упоминается как под полной (54, 55), так и под гипокористической формой имени (56, 57):

(54) ѿ **Мирслава** к Олисьеви ко Грициноу (502, XII в.).

(55) [ѿ] Смолигу къ Грецинови и [к] **Мирославоу** (603, XII в.)¹¹.

(56) Отъ Ивана къ **Мирошекѣ** же (936, XII в.).

(57) (Поклан)[А]ние ко [И](в)анокоу и ко **Мирошь[к](е)** (226, XII в.).

Можно видеть, таким образом, что в простую бинарную оппозицию по жанровому признаку «официальные документы и летописи — краткая форма имени vs. берестяные грамоты — полная форма имени» чередование *Мирослав* — *Мирошка* не выстраивается. Тем не менее некоторые наблюдения по данным берестяных грамот все же сделать можно. Так,

¹¹ См. там же о соотносительности посадника *Мирошки Несдинича* с *Мирославом*.

при самоименовании посадник не выбирает гипокористический вариант имени, отдавая предпочтение только полному (54). Когда же посадник выступает в роли адресата, адресант грамоты может либо повторить полную форму имени (55) — возможно, под влиянием нескольких других полных имен, упомянутых в грамоте ранее, — либо отдает предпочтение гипокористике (56, 57). Примечательно, что в обсуждаемый период гипокористическая форма не исключает уважительного отношения к адресату, в отличие от более поздних норм. Так, «ко Иванку и ко Мирошьке» сочетается с «поклонянием», а далее следует еще редкая в XII в. формула «вы моя господина» [Гиппиус 2003].

2.2. Жирослав vs. Жироха/Жирохно

Еще одним интересным примером варьирования формы исконно славянского имени может служить различное именование новгородского тысяцкого Жирослава (в должности с 1257 по 1264 г.). С посадником Мирославом Несдиничем Жирослава объединяет не только новгородское «гражданство», но и участие в переговорах с немецкими городами о торговле. Так, имя новгородского тысяцкого в полной форме фиксирует Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле 1262–1263 гг.:

(58) Се азъ князь Олександръ и сынъ мои Дмитрии, с посадникомъ Михаилъмъ, и с тысяцькимъ **Жирославомъ**, и съ всеми новгородци докончахомъ миръ с посломъ нѣмыцкимъ Шивордомъ, и с любыцкимъ посломъ Тидрикомъ, и с гъцкимъ посломъ Ольстенъмъ, и съ всемъ латиньскимъ языкомъ (ГВНП, №29, с. 56).

В сообщении о поставлении Жирослава тысяцким Новгородская Первая летопись старшего извода дает форму *Жироха*, с древним суффиксом *-хъ*:

(59a) Тои же зимы даша посадничъство Михаилу Федоровичю, выведше из Ладогы; а тысячьское **Жироху** даша (НПЛ, Синодальный список, л. 137 за 1257 г.).

В Новгородской Первой летописи младшего извода можно найти еще более примечательную форму *Жирохно*, с объединением двух древних суффиксов по модели «-х+ън-о», где *-ън-* представляет собой отдельный суффикс:

(59б) Тои же зимы даша посадничъство Михаилу Федоровичю, выведше изъ Ладогы; а тысячькое даша **Жирохну** (НПЛ, Комиссионный список, л. 177 за 1257 г.).

В списке посадников и тысяцких, помещенном в той же рукописи Археологической комиссии, которая включает Комиссионный список Новгородской Первой летописи (в статьях, предшествующих своду), Жирослав именуется формой с характерным новгородским окончанием — *Жирохне*:

(60) Миронѣгъ, Якунѣ Намнѣжичъ, Вячеславъ, Борисъ Нѣгочевичъ, Микита Петриловичъ, Климъ, **Жирохне**, Кондратъ, Ратиборъ Клуковичъ, Иоаннъ, Андрѣанъ Ельферевич... (НПЛ, Прилож. 2, л. 18)

Таким образом, в летописи используется только гипокористическая форма. При этом само имя *Жирослав* нередко появляется на страницах летописей и представлено различными формами¹². Почему же одного персонажа летопись называет полной, а другого — гипокористической формой имени? Версия о симпатиях летописца и употреблении полной формы имени не подтверждается как раз на примере имени *Жирослав*. Галицкий боярин 1220-х гг. Жирослав в Ипатьевской летописи последовательно именуется полной формой имени, но при этом представлен книжником в самом негативном ключе: летописец не скупится в его описании на такие характеристики, как «лживый», «льстивый», «лжеименѣць» и «лоукавыи льстѣць» [ПСРЛ, 2, л. 251об. за 1219 г.]. Т. е., как и в случае выражения уважения, выбор между полной и гипокористической формой имени персонажа в рамках Ипатьевской летописи не определяется отношением к нему пишущего.

Сравнивая употребление имен *Мирошка/Мирослав* и *Жироха/Жирослав*, можно заметить, что картина во многом схожая. В случае посадника *Мирослава* и тысяцкого *Жирослава* летопись последовательно избирает гипокористическую форму, тогда как полной формы придерживаются лишь некоторые грамоты. Данный факт можно считать характерной особенностью летописного повествования: устойчивое именование этих должностных лиц единообразно, без варьирования форм. Это иногда может облегчить идентификацию персоналий и разграничивать тезок: например, Новгородская Первая летопись знает Ми-

¹² Летописи знают киевского тысяцкого Жирослава Андреевича, новгородских посадника и тысяцкого Жирославов, галицкого боярина Жирослава и владимирского воеводу Жирослава. Так, новгородский посадник 1170-х гг. Жирослав, в отличие от тысяцкого, именуется в летописях полной формой: «Того же лѣта отъяше князь Рюрикъ посадничество у *Жирослава*» (НПЛ, Комиссионный список, л. 113об. за 1171 г.), а гипокористической лишь в берестяных грамотах, где он предположительно упоминается: № 824 (*Жирѣко*), № 851 (*Жирочька*), № 879 (*Жирѣта*), № Ст. Р. 17 (*Жирошька*). При этом полные формы также встречаются в грамотах этого периода № 573 и № 657: «имѣвъложѣ *Жирѣсла(ѣ)*», «съ сѣе дѣла варѣвре въверице твое въ городъ ѿ домацка а оу Жирослава соуть».

рослава Гюрятинича, посадника 1126–1128 и 1135–1136 гг., и Мирошку Несдинича, посадника 1189–1204 гг.; Жирослава, посадника 1170–1171, 1171–1172 и 1175 гг., и Жирохну, тысяцкого 1257–1264 гг. Заметим, что Ипатьевская и Лаврентьевская летописи, менее локально ориентированные, допускают сосуществование многих Жирославов, Мирославов и т. д. в разные периоды, однако даже в разных летописях одно и то же лицо будет называться одинаково.

2.3. Милонег vs. Милонежко

Среди нехристианских имен также привлекает внимание вариативность форм имени *Милонег*. Будущий¹³ новгородский тысяцкий именуется полной формой этого имени в летописном известии под 1185 г. в связи с закладкой каменной церкви Вознесения на Прусской улице в период правления Мстислава Давыдовича:

(61) Того же лѣта заложи церковь камену святого Вознесения **Милонѣгъ** при архиепископѣ Ильи (НПЛ, Синодальный список, л. 118 за 1185 г.).

Шестью годами позже, в 1191 г., летопись сообщает об освящении этой церкви действующим тысяцким, именуя его также полной формой:

(62) В том же лѣтѣ святи церковь архиепископѣ боголюбивыи Гаврила святого Възнесения, создана **Милонѣгомъ** тысяцкымъ (НПЛ, Синодальный список, л. 119об. за 1191 г.).

Однако в сравнении с вариативностью имен *Жирослав/Жирохно* и *Мирослав/Мирошка* в употреблении имени *Милонег* можно увидеть интересную особенность: летопись, помимо полной формы имени, дает и гипокористическую. Так, под 1177 г. в Лаврентьевской летописи читаем сообщение о приходе на помощь к Всеволоду Большое Гнездо «Милонежковой чади» из Новгорода:

(63) В то же время приѣхали к нему Новгородци Милонѣжкова чадь (Лавр., л. 130об. за 1177 г.).

Хронологически и географически Милонег-тысяцкий из более поздних сообщений соотносится с Милонежком из приведенного выше примера. Употребление понятия «чадь», близкого к «дружине» и указывающего на верховенство конкретной личности [Львов 1975: 231], подтверждает высокий статус тысяцкого. Тем не менее важно еще раз

¹³ Предположение о том, что Милонег еще не был в этот период тысяцким, см. в [Янин 2003: 155].

подчеркнуть, что разные формы имени одного и того же лица даны в разных летописях: полной формой Милонег именуется *НПЛ*, тогда как в *Лавр.* он представлен только под гипокористикой. При этом обращает на себя внимание и тот факт, что в *Лавр.* в аналогичной притяжательной гипокористической форме представлен и новгородский посадник Мирослав (Мирошка) Несдинич, ср. (53). Можно предположить, что притяжательное употребление без прямого указания на персонажа, дополнительно способствовало выбору именно гипокористической формы в *Лавр.*

Размышляя о выборе между полными и гипокористическими формами, стоит рассмотреть влияние экономического фактора. Гипотезу о том, что гипокористические формы имени носят менее обеспеченные лица, а полные — более обеспеченные, удастся проверить именно на паре *Милонег/Милонешко*. В одной из новгородских грамот позднего периода, представляющей собой список крестьянских повинностей, встречается три созвучных нехристианских имени (что могло быть типичным для родственников [Зализняк 2004: 527]): Милослав, *Милонег* и, возможно, Милогост (64):

(64) оу Милъслава со **Милонего** .9. деже (320, 1-я половина XIV в.).

Тем самым новгородские грамоты удерживают от интерпретации вариативности полной и гипокористической форм в сословных категориях: один из богатейших новгородских тысяцких Милонег vs. новгородский крестьянин Милонег¹⁴.

Сопоставление полных и гипокористических форм различных исконно славянских имен позволяет прийти к ряду интересных наблюдений. Во-первых, за личностью не закреплена одна форма нехристианского имени, зависящая от статуса и материального положения. Выбор между полной и гипокористической формой имени в раннедревнерусских источниках также не обусловлен этикетными соображениями (например, желанием продемонстрировать уважение к адресату в грамотах) или личным отношением именуемого к именуемому лицу. Во-вторых, жанровая принадлежность текста (летопись или грамота) не определяет полностью формы имени (например, только полные в одном типе текста, только гипокористические в другом). Тем не менее в летописях одна и та же личность будет именоваться чаще единообразно

¹⁴ Отметим интересный пример появления другого Милонег в необычном контексте — двуименной паре — что было нечастым явлением в не княжеской среде. В похвале Рюрику Ростиславичу под 1199 г. летописец прославляет в том числе и архитектора и строителя подпорной стены киевского Выдубицкого монастыря: «[...] а изобрѣте бо подобна дѣлоу и хожоженю и во своихъ си приателехъ. имене Милонѣгъ Петръ же по крещению» (*Inam.*, л. 244 за 1199 г.).

(но, возможно, исключением являются притяжательные формы, в которых в *Лавр.* во всех случаях употреблена гипокористическая форма). В свою очередь, грамоты допускают разнообразие форм, однако адресант будет именоваться скорее полной формой.

В этой связи можно предполагать, что нехристианские имена органично встраиваются в трансформирующуюся систему двуименности с помощью варьирования полных и гипокористических форм, отражая разнообразие социальных связей и жанровые традиции древнерусских текстов.

Заключение

В работе были рассмотрены возможные причины вариативности древнерусских имен — как исконно славянского, так и христианского происхождения — в различных летописях, а также некоторых берестяных и договорных грамотах до XIV в. Анализ текстов и сопоставление различных форм имени одного и того же персонажа показал, что за подобным варьированием могут стоять следующие факторы:

1. У гипокористических христианских имен в домонгольский период обнаруживается нейтрализующая адаптивная функция, способствующая их более скорому освоению языком. Так, носители некоторых первых христианских имен (в частности, князья, крещенные под именами *Михаил* и *Василий*) первоначально упоминаются в летописях под гипокористическими формами; к XIV в., с освоением этих имен в языке, в других источниках эти же персонажи фигурируют уже под полными формами имени. Данная особенность была ранее обнаружена в работе [Буденная 2021] для князей Василия (Василько) Теремовльского и Михаила (Михалко) Юрьевича, а также некоторых других лиц (подробнее см. Раздел 2.1); в данной статье аналогичное явление было обнаружено для имени князя Михаила Черниговского: *Михалко* в раннем ростовском летописании (третья часть МАС, Сокращенный летописный свод и Устюжская летопись) и *Михаил (Михаило)* в более поздних источниках. Возможный аналогичный процесс также можно с определенной вероятностью реконструировать и для имени княжны Янки Всеволодовны.

2. У варьирующих форм христианских имен, не являющихся гипокористиками, можно видеть влияние нарратива: в контекстах о смерти персонажа, а также о его участии в строительстве церкви, ряд новгородских посадников в *НПЛ* упоминается под церковнославянской/гречизированной формой имени (*Стефан, Семеон, Феодор, Еустафий, Аналия*), тогда как в прочих контекстах их имена употребляются в народной форме (*Степан, Смен, Федор, Остафий, Онанья*). Однако для некоторых

имен (*Александр, Андрей*) наблюдается обратная картина: в аналогичных «возвышенных» контекстах посадники — носители этих имен фигурируют под народными формами *Олександр* и *Ондрей*. Данный факт заслуживает отдельного исследования. Кроме того, за варьирующими формами *Михаиль* и *Михаило* в НПЛ по отношению к Михаилу Черниговскому и Михаилу Тверскому прослеживаются разные почерки, что может говорить об индивидуальной склонности конкретного автора к одному из двух возможных вариантов имени.

3. Для варьирующих исконно славянских форм (полные vs. гипокористические формы) картина выглядит более пестрой в силу того, что в летописях, по которым можно установить приблизительный социальный статус персонажа и/или какие-либо факты его биографии, подобные формы крайне редки, а в берестяных грамотах, наоборот, частотны, но сведений о носителе практически никогда нет. Тем не менее на примере трех персонажей, фигурирующих как в летописях, так и в берестяных грамотах — новгородского посадника Мирослава (Мирошки) Несдинича и тысяцких Жирослава (Жирохне) и Милонег (Милонезко), — удастся проследить следующие особенности варьирования имен: в НПЛ — возможно, с целью разграничения тезок — по отношению к ним последовательно используется только гипокористические формы, тогда как грамоты допускают как полные, так и гипокористические варианты, при этом адресант фигурирует преимущественно под полной формой имени.

Безусловно, эти особенности не объясняют всех загадок, стоящих за варьированием древнерусских имен. Так, например, неясно, почему вариативность некоторых имен (в частности, *Иван/Иоанн/Иванко* и др.) не укладывается в схему, свойственную именам *Василий* и *Михаил*, и почему одни имена в целом более склонны к вариативности, а другие последовательно употребляются в канонической форме уже в самых ранних грамотах (в частности, *Петр, Лука, Фома*). В типологической перспективе за рамками работы также остается вопрос о функциях христианских гипокористических имен на *-ко* в других славянских языках (болг. *Петко*, серб. *Йованка* и др.), а также более общий вопрос о территориальной распространенности отдельных словообразовательных вариантов. Все эти особенности остаются предметом дальнейших исследований. Однако попытка систематизации различных примеров древнерусской именной вариативности, предпринятая в настоящей статье, безусловно, поможет будущим исследователям в этой области.

Библиография

Источники

ГВНП

Валк С. Н., ред., *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Москва, Ленинград, 1949.

ДБГ

Древнерусские берестяные грамоты, <http://gramoty.ru>.

Ипат.

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, Изд. 5-е, Москва, 1998.

Лавр.

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, Изд. 4-е, Москва, 1997

НПЛ

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Москва, 2000.

МЕ

Жуковская Л. П., Владимирова Л. А., Панкратова Н. П. (ред.), *Апракос Мстислава Великого*, Москва, 1983.

Сокращенный летописный свод

Полное собрание русских летописей, 27, Москва, Ленинград, 1962, 163–367.

Соф. II

Полное собрание русских летописей, 6, 2: Софийская вторая летопись, Москва, 2001.

Устюжская летопись

Полное собрание русских летописей, 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв., Ленинград, 1982.

Литература

Авдеев et al. 2002

Авдеев А. Г., Литвина А. Ф., Радеева О. Н., Успенский Ф. Б., Светская христианская двуименность в эпитафиях Московской Руси (вокруг трех неопубликованных надписей XVI–XVII вв.), *Slovene*, 11 (2), 2022, 317–346.

Буденная 2021

Буденная Е. В., Гипокористические формы христианских имен в древнерусском языке, *Вопросы языкознания*, 3, 2021, 26–46.

Гиппиус 2003

Гиппиус А. А., Комментарий к берестяной грамоте № 226, *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения*, Москва, 2003.

——— 2006

Гиппиус А. А., Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении), *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*, Москва, 2006, 114–251.

Зализняк 1986

Зализняк А. А., Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения, *Новгородские грамоты на бересте*, 8: (Из раскопок 1977–1983 гг.), Москва, 1986, 89–219.

——— 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг., Москва, 2004.

Львов 1975

Львов А. С., *Лексика «Повести временных лет»*, Москва, 1975.

Литвина, Успенский 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

——— 2019

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Мужское vs женское в контексте светской христианской двуименности на Руси XVI–XVII вв., *Slovene*, 8 (1), 2019, 133–161.

——— 2020

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «*Се яз раб Божий...*»: Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры, С.-Петербург, 2020.

Лурье 1989

Лурье Я. С., *Летопись Московско-Академическая, Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2, 2, Ленинград, 1989, 45–47.

Селищев 2003

Селищев А. М., Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ, *Idem, Труды по русскому языку*, 1, Москва, 2003, 387–422.

Успенский 1969

Успенский Б. А., *Из истории русских канонических имен (история ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам)*, Москва, 1969.

Успенский 2005

Успенский Ф. Б., *Словарь Н. М. Тупикова и принципы родового имянаречения в Древней Руси (предисловие к словарю Н. М. Тупикова)*, Тупиков Н. М., *Словарь древнерусских личных собственных имен*, Москва, 2005, 7–23.

Успенский, Успенский 2017

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., *Иноческие имена на Руси*, Москва, С.-Петербург, 2017.

Щипакова, Можаровская 2024

Щипакова К. Г., Можаровская Е. С., Реконструкция полного имени Янки Всеволодовны на фоне картины древнерусского антропонимикона, *Русская речь*, 2024, (в печати).

Янин 2003

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, 2-е изд., перераб. и доп., Москва, 2003.

Wæcklund 1959

Wæcklund A., *Personal Names in Medieval Velikij Novgorod*, Stockholm, 1959.

Litvina, Uspenskij 2015

Litvina A., Uspenskij F., The Prince and his Names in the 12th Century (A Philological Approach to Medieval Political History), *Die Welt der Slaven*, 60, 2015, 346–364.

References

Avdeev A. G., Litvina A. F., Radeeva O. N., Uspenskij F. B., Secular Christian Dual Naming in the Epitaphs of Moscow Rus (Around Three Unpublished Inscriptions of the 16th–17th centuries), *Slovene*, 11 (2), 2022, 317–346.

Wæcklund A., *Personal Names in Medieval Velikij Novgorod*, Stockholm, 1959.

Budennaya E. V., Hypocoristic forms of Old Russian Christian names, *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 2021, 26–46.

Gippius A. A., *Kommentarii k berestianoi gramote № 226, Berestianye gramoty: 50 let otkrytija i izucheniia*, Moscow, 2003.

Gippius A. A., *Novgorodskaja vladychnaia letopis' 12–14 vv. i ee avtory (Istorija i struktura teksta v lingvisticheskom osveshchenii)*, *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istorija russkogo iazyka*, Moscow, 2006, 114–251.

Lvov A. S., *Leksika "Povesti vremennykh let"*, Moscow, 1975.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v 10–16 vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2006.

Litvina A., Uspenskij F., The Prince and his Names in the 12th Century (A Philological Approach to Medieval Political History), *Die Welt der Slaven*, 60, 2015, 346–364.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., Male vs Female in the Mirror of Russian Dual Christian Naming (16th–17th Centuries), *Slovene*, 8 (1), 2019, 133–161.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., “Se iaz rab Bozhii...”: Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury, St. Petersburg, 2020.

Lurie Ya. S., *Letopis' Moskovsko-Akademicheskaja, Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2, 2, Leningrad, 1989, 45–47.

Selishchev A. M., Proiskhozhdenie russkikh familii, imen i prozvizhch, Idem, *Trudy po russkomu iazyku*, 1, Moscow, 2003, 387–422.

Uspenskij B. A., *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen (istoriia udareniiia v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)*, Moscow, 1969.

Uspenskij F. B., Slovar' N. M. Tupikova i printsipy rodovogo imianarecheniia v Drevnei Rusi (predislovie k slovariu N. M. Tupikova), Tupikov N. M., *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen*, Moscow, 2005, 7–23.

Uspenskii B. A., Uspenskii F. B., *Inocheskie imena na Rusi*, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Yanin V. L., Novgorodskie posadniki, 2nd ed., Moscow, 2003.

Zaliznyak A. A., Novgorodskie berestiane gramoty s lingvisticheskoi tochki zreniia, *Novgorodskie gramoty na bereste*, 8: (Iz raskopok 1977–1983 gg.), Moscow, 1986, 89–219.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Евгения Владимировна Буденная, кандидат филологических наук, доцент
Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4с1
научный сотрудник
Сектора ареальной лингвистики
Отдела типологии и ареальной лингвистики
Института языкознания РАН
125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1с1
Россия / Russia
jane.sdrv@gmail.com

Каролина Игоревна Гуревич, кандидат филологических наук, старший
преподаватель Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4с1
Россия / Russia
kgurevich@hse.ru

Анатолий Андреевич Калинин, студент 4 курса бакалавриата
Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4с1
Россия / Russia
aakalinin_5@edu.hse.ru

Данила Викторович Герасимов, студент 1 курса магистратуры
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ);
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4с1
Россия / Russia
danilagerasimov2212@gmail.com

Received August 18, 2023